

Образы мучителя и жертвы в современном российском кинематографе

В. Д. Данилова✉¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Данилова, В. Д. (2019) Образы мучителя и жертвы в современном российском кинематографе. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 1, № 1, с. 40–45. DOI: 10.33910/2687-1262-2019-1-1-40-45

Получена 11 марта 2019; прошла рецензирование 29 апреля 2019; принята 29 апреля 2019.

Права: © Автор (2019).

Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассмотрена проблема неявного насилия, присутствующая в современном обществе. Объектом исследования стал фильм Бориса Хлебникова «Аритмия» (2017 г.) и прежде всего отношения двух главных героев фильма — супругов Олега и Кати, находящихся на грани развода. Образы героев подвергнуты анализу и интерпретированы в рамках концепций «мучителя и жертвы», принадлежащих американскому психологу Ланди Бэнкрофту и французскому психотерапевту Мари-Франс Иригуайан.

Методология, разработанная психологами и психотерапевтами, позволяет не только исследовать и корректировать поведение и мотивы участников семейного конфликта, связанного с применением скрытого, морального насилия к одной из сторон на сеансах психотерапии, но и проанализировать образы насильника и жертвы в текстах культуры. Обращение к анализу киноисточников, репрезентирующих различные модели межличностного взаимодействия, представляется продуктивным способом рефлексии конфликтных и насильственных ситуаций, связанных с распределением ролей в социокультурной и семейной иерархии.

В статье анализируется тип поведения и мотивация каждого героя, а также описываются основные сюжетные линии киноленты. Олег — типичный «мучитель», оправдывающий свое поведение проблемами на работе, и Катя — верная «жертва», ведомая и легко поддающаяся манипуляциям супруга. Переплетение сюжетов профессиональной деятельности и внутрисемейных отношений героев кинофильма становится благодатным полем для исследования образа действий Олега и Кати, которые репрезентируют на киноэкране модель разворачивания взаимозависимых отношений, основанных на обыгрывании ролей, заданных указанной схемой.

Ключевые слова: жертва, мучитель, манипулятор, идентификация, насилие, поведение, домогательство, власть, сюжет, внутрисемейные отношения.

Images of an abuser and a victim in modern Russian cinematography

Viktoriya D. Danilova✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Abstract. The article focuses on the phenomenon of covert abuse that is common in modern society. The author reviews Boris Khlebnikov's film "Arrhythmia" (2017) and studies the images of the two main characters of the film, Oleg and Katya, a married couple on the verge of divorce. The images of the heroes are analysed and interpreted within the framework

For citation: Danilova, V. D. (2019) Images of an abuser and a victim in modern Russian cinematography. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 40–45. DOI: 10.33910/2687-1262-2019-1-1-40-45

Received 11 March 2019; reviewed 29 April 2019; accepted 29 April 2019.

Copyright: © The Author (2019). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

of the “abuser” and “victim” concepts as defined by the American psychologist Lundy Bancroft and the French psychotherapist Marie-France Hirigoyen.

The methodology developed by psychologists and psychotherapists, allows us to explore and adjust the behaviour and motives of both sides involved in a family conflict related to hidden abuse, as well as to analyse the images of the abuser and the victim in the texts of culture. The analysis of cinematography representing various models of interpersonal interaction is one of the most productive ways of reflecting on conflict situations associated with the distribution of roles in the socio-cultural and family hierarchy.

The article analyses the type of behaviour and motivation for each hero, placed in the framework of the provided scheme of “abuser” and “victim” roles, and describes the main plot lines of the film. Oleg, who is a typical “abuser”, justifies his abusive behaviour by problems at work, and Katya, who is a loyal “victim”, is easily manipulated by her husband. The interlacing of the characters’ professional activity and family relationship becomes a prolific field for investigation into Oleg and Katya’s interaction and behaviour patterns, representing a model of an interdependent relationship based on the roles and the scheme described above.

Keywords: victim, abuser, manipulator, identification, abuse, behaviour, harassment, power, plot, family relations.

Вступление

Проблемы неявного насилия, внутрисемейного абьюза активно репрезентируются в современной академической мысли и текстах культуры. В связи с актуализацией гендерных исследований понятие насилия, его субъект и объект анализируются в рамках деконструкции патриархальной модели общественного устройства, в которой различные формы насильственного поведения являются ключевыми установками и способами поддержания существующей структуры власти. Неявное внутрисемейное насилие как часть насильственных практик становится предметом исследований в психологической (и психотерапевтической) отрасли. Методология, используемая специалистами-психологами и психотерапевтами, позволяет не только «вскрыть» и изучить поведение и мотивы участников конфликта, связанного с применением скрытого, морального насилия к одной из сторон, в рамках психологических тренингов и сеансов, но и исследовать образы насильника и жертвы в популярной культуре. Кинематограф, репрезентируя различные модели межличностного взаимодействия, предоставляет обширное поле для подобных исследований. Поэтому обращение к анализу киноисточников представляется продуктивным способом рефлексии конфликтных и насильственных ситуаций, связанных с распределением ролей в социокультурной иерархии.

Кинофильм «Аритмия» (реж. Б. Хлебников), вышедший на большие экраны нашей страны 12 октября 2017 г., раскрывает перед зрителем историю молодой семьи медиков — врача ско-

рой помощи, Олега, страдающего алкоголизмом, и его жены Кати, врача приемного отделения больницы. В преддверии премьеры фильм активно рекламировался во всех возможных СМИ: на телевидении, печатной прессе, в интернете. Фильм получился долгожданным, чему во многом способствовала не только успешная рекламная кампания, но и популярность актрисы, исполняющей главную женскую роль, — Ирины Горбачевой. Уже несколько лет она ведет успешный юмористический блог в социальной сети «Инстаграм», где имеет более полутора миллионов подписчиков. Согласно статистическим данным, собранным интернет-порталом «Rosregistr» с момента начала проката фильм посмотрели 83 тысячи человек, а кассовые сборы составляют свыше 26 млн рублей (Комарова 2017). Кинолента успела завоевать несколько престижных премий: Кинотавр — 2017 (главный приз, приз за главную мужскую роль — Александр Яценко), Карловы Вары — 2017 (Лучшая мужская роль — Александр Яценко).

В многочисленных публикациях в сети кинофильм «Аритмия» характеризуется как комедийная социальная драма о враче, совершающем ежедневный подвиг с невозмутимым выражением лица, не находящем понимания у своей жены и заливающим свои переживания алкоголем. Отзывы критиков и зрительские обзоры на интернет-сайтах сообщают читателям главные сюжетные мотивы и художественные решения фильма — «алкоголизм главного героя, звуковое решение фильма, болезненный реализм и патология медицинских реформ» («Аритмия»: Что говорят врачи?). Дискурс, возникший вокруг киноленты, фокусируется, прежде всего, вокруг

социальной проблематики фильма и образа главного героя, вынужденного противостоять пагубному воздействию реформ в своей профессиональной деятельности. Таким образом, проблемы во взаимоотношениях с женой остаются побочными эффектами его карьерных перипетий, а образ Кати, супруги главного героя, не находит должного внимания в среде кинове- дов, критиков и зрителей.

«Аритмия» иллюстрирует модель внутрисемейного поведения, основанную на взаимозависимости обоих персонажей и моральном насилии, направленном на подавление героини. Отсутствие в критических рецензиях и отзывах упоминания об этом аспекте супружеских взаимоотношений героев позволяет сделать вывод о тенденции «стирания» или игнорирования проблемы неявного домашнего насилия в современной культуре. Также стоит отметить, что подобный образ пьющего героя является традиционно положительным в российском и советском кинематографе («Москва слезам не верит», «Осенний марафон» и др.).

Анализ киноисточника

Композиционно кинолента «Аритмия» разделяется на две сюжетные ветки:

1. Профессиональная жизнь опытного врача скорой помощи Олега, сложности и нюансы его трудовой деятельности.
2. Семейная жизнь Олега и Кати, терпящая крушение.

В данной статье предпринята попытка проанализировать образы главных героев киноленты, Кати и Олега, в контексте их внутрисемейных отношений, испытывающих пагубное влияние карьерных сложностей, с которыми сталкивается главный герой в своей профессиональной деятельности.

Аритмия — нарушение сердечного ритма, рассинхронизация, метафора жизненной ситуации, сложившейся у Кати и Олега. Олег, погруженный в работу и алкоголизм, принимает Катю как должное, не замечая, что его поведение негативно влияет на супружеские взаимоотношения. Катя, врач приемного покоя, уставшая обеспечивать своему невнимательному партнеру «надежный тыл», загнанная в тупик, заперта в этих отношениях. Аритмия становится ее персональным адом.

Завязка сюжета

Первые кадры киноленты раскрывают нам образ Олега, занятого очередным вызовом, где он виртуозно «расправляется» с ипохондричной

старушкой, подсовывая ей плацебо в качестве лекарства. При этом герой пренебрегает профессиональной этикой и должностными инструкциями, не принимая во внимание возможные негативные последствия своих действий в виде дисциплинарного взыскания. Далее мы видим Катю, после смены спешащую на встречу к супругу, чтобы отправиться на юбилей ее отца, заслуженного и именитого медика. Героиня застаёт мужа за рулем автомобиля уже изрядно выпившим, зритель видит, что Катя раздражена, что увеличивает напряжение между супругами.

Сцены семейной жизни героев наглядно демонстрируют зрителям пренебрежительное и потребительское отношение Олега к супруге. Несмотря на свое недовольство поведением Олега, Катя раз за разом вынуждена находить оправдание действиям супруга, отстаивать его честь перед своими родственниками, прощать его грубое и неуважительное обращение. Героине, прочно идентифицирующей себя со своим партнером, потребовалось немало душевных сил, чтобы решиться разорвать эти отношения. Олег соглашается на развод, однако, стремясь переложить всю ответственность за неудавшийся брак на жену, герой провоцирует конфликт и говорит: «Разводись, если хочешь». Супруги решают разъехаться и начать процедуру развода скрытно от друзей и родных; Катя позволяет Олегу остаться в общей квартире и ночевать на кухне на матрасе.

Полагая, что конфликт улажен, героиня не подозревает о том, с каким пассивным сопротивлением Олега ей придется столкнуться. Он, словно паук, опасаящийся упустить свою жертву, законную добычу, расставляет ловушки в их маленькой квартире, превращая ее, некогда бывшую уютным семейным гнездом, в камеру пыток. Не принимая всерьез ее намерения расстаться, Олег продолжает считать Катю обязанной оказывать ему внимание и обслуживать его нужды, в том числе удовлетворять его сексуальные желания. Он с видимым пренебрежением относится к тому душевному и физическому дискомфорту, что испытывает супруга от его действий. Американский клинический психолог, Ланди Бэнкрофт описывает подобную ситуацию в своей книге «*Why does he do that? Inside the minds of angry and controlling men*», характеризуя образ действий семейного мучителя, как человека, уверенного в своем властном статусе и особых привилегиях. Семейный мучитель также считает возможным требовать от партнерши сексуальной заботы лишь потому, что считает себя в своем праве (Bancroft 2003).

Олег пока еще не дошел до явного сексуального насилия, авторская задумка и сюжетные рамки кинофильма не позволяют ему полностью скинуть маску непонятого романтического героя. Однако же кинематографический способ бытия и внутрисемейного взаимодействия Олега укладывается в схему поведения, описанную Бэнкрофтом в своей работе, что позволяет именовать героя согласно терминологии, предложенной психологом, — «мучителем».

Важно отметить, что режиссер, описывая семейный быт Кати и Олега, принимает сторону героя, предпочитая выставлять его поступки и реплики в комичном ключе, попутно обесценивая страдания Кати и оправдывая Олега. Это и есть тот самый комедийный элемент, позволивший критикам определить жанровую принадлежность киноленты как «комедийной драмы».

Продолжая вариться в своем персональном аду, в который превратился ее дом, Катя не перестает жалеть и оправдывать Олега, снисходительно относясь к его поведению, поддаваясь его манипуляциям, настолько сильна ее идентификация со своим мучителем. Лишь однажды манипулятивная стратегия Олега не срывается, и Катя открыто высказывает недовольство. В сцене в автомобиле, Олег, стремясь девальвировать чувства и мотивы жены, лежащие в основе решения о разводе, намекает на ее меркантильность и расчетливость, якобы ставшие настоящими причинами ухода Кати. Это едва ли не единственная сцена в фильме, где ярко представлены негативные эмоции героини, ее искреннее возмущение словами супруга.

Катя на самом деле не понимает, что заключена во взаимозависимые отношения и подвергается манипулятивному влиянию супруга. Ланди Бэнкрофт за годы своей практики неоднократно сталкивался с такой ситуацией и отразил ее в своих публикациях, отметив, что подобные манипуляторы зачастую выглядят нуждающимся в эмоциональной поддержке, в начале отношений они проявляют лишь свои положительные черты — доброту, чувство юмора, эмпатию; это затрудняет распознавание в них мучителя. Основываясь на своем опыте работы психологом, он утверждает, что женщины, вовлеченные в подобные отношения, зачастую не видят монстров под личинами своих мужей и стараются помочь им справиться с переменами в настроении и странным поведением (Bancroft 2003).

Также подобные внутрисемейные отношения в своей книге «Моральное домогательство: Скрытое насилие в повседневности» описы-

вает французская исследовательница и психотерапевт Мари-Франс Иригуайан, называя это «извращенным поведением, насилием» (Иригуайан 2005). Это насилие не пропадает в ситуации развода, когда мучитель («извращенный человек») стремится не упустить свою жертву. Характеризуя образ «извращенного человека» Иригуайан пишет: «Эти люди не могут существовать, не “ломая” кого-либо: им необходимо унижать других, чтобы обрести самоуважение, а вместе с тем и власть, так как они жаждут восхищения и одобрения» (Иригуайан 2005, 6). Олег, простой врач скорой помощи, не имеет реальной власти в своей профессиональной деятельности. Зритель становится свидетелем того, как раз за разом герой сталкивается с неудобными ему предписаниями, исходящими от нового главного врача, как он вынужден уступать и «прогибаться». Становится ли его супруга Катя той самой жертвой, на которой Олег отыгрывается за все свои рабочие фиаско? Рассматривая его образ действий в рамках определения «извращенного поведения», можно расценить все его «забавные» в плане кинематографической репрезентации домогательства и шутки по отношению к Кате именно как проявление этого самого «извращенного поведения». А сам же герой в очередной раз подтверждает свой статус «извращенного человека» (в терминологии французской исследовательницы) или «мучителя». Стремясь закрепить и преумножить свою силу и власть, которых ему так не хватает в профессиональной жизни, Олег прибегает к манипулированию, моральному насилию, призванному «сломать» жертву, привязать ее к себе и утвердить свое главенство в этих отношениях. Называя проявления «извращенного поведения» «моральным домогательством», Иригуайан пишет, что человека, подвергшегося этому, действительно стоит считать жертвой, жертвой, чья психика сильно страдает, испытывая влияние «извращенного человека». Жертва склонна выстраивать взаимозависимые отношения со своим мучителем, редко осознавая опасность, исходящую от подобного соседства (Иригуайан 2005). Действительно, Катя нередко прощает Олегу его «шалости», не понимая реальных мотивов его поведения, она сочувствует ему и старается оказать поддержку в сложный период (даже разрешила ему остаться в общей квартире, из которой Олег и не торопился уезжать). Кате, привыкшей жить определенным образом, сложно отделить свою личность и отразить свои потребности и проблемы в нужной степени, чтобы понять расстановку сил внутри своей семьи.

Кульминация сюжета

По мере развития сюжета Олегу раз за разом удается манипулировать Катей: надев личину уставшего и покорного просителя, герой уговаривает жену хотя бы один вечер побыть «нормальной семьей». Супруги решают поиграть в «нормальность», собрав у себя на кухне компанию близких друзей, веселясь и распивая спиртное до позднего вечера. Сами на мгновение поверив в эту «нормальность», после ухода гостей Катя и Олег занимаются сексом на кухне. В этой сцене важна визуальная составляющая, операторская работа. Камера следит за происходящим, постоянно подрагивая, практически не меняя ракурс, создавая впечатление случайно заснятого акта соития. Режиссер Борис Хлебников признается в своем интервью для газеты «Metro», что задача была именно такой — «снять поспешный бытовой акт, от которого никто не получил удовольствия», что представляется ему нормальной и понятной ситуацией для людей, находящихся на грани развода (Тепанян 2017, 14). После акта Олег воодушевленно заявляет, что сейчас они могли зачать ребенка, на что супруга отвечает, что беременность невозможна. Зритель видит в кадре лицо Олега, оскорбленного фактом того, что его жертва может самостоятельно принимать решения относительно своего репродуктивного здоровья. Его гротескная, резкая реакция на слова Кати подтверждает зрительские впечатления: герой разочарованно вздыхает и заявляет об окончательном разрыве отношений. Ловушка захлопывается, Катя поддается манипуляции и со всей серьезностью принимает вину за разрыв на свои плечи, Олег демонстративно удаляется. В упомянутой выше книге Ланди Бэнкрофт описывает подобную манипулятивную стратегию, говоря о том, что для мучителя стратегически важно заманить жертву в лабиринт собственных фантазий и замыслов, поставить в тупик, заставить разгадывать причины семейного конфликта и своих поступков (Bancroft 2003).

Катя, травмированная жертва, не способная идентифицировать в своем супруге мучителя, поддается манипуляции и находится под впечатлением от высказываний и действий мужа. Она глубоко переживает случившееся и начинает винить себя в крахе семейной лодки. Олег разыграл все «как по нотам», зритель вынужденно сочувствует герою, возмущаясь неподотчетными действиями жены.

Развязка сюжета

Приближаясь к развязке фильма, зритель становится свидетелем ужасающей сцены —

на маленькую девочку упали провода линии электропередач, бригада Олега едет на вызов. Олег оказывается в безвыходном положении. Опасаясь не дожидаться реанимации и не довести девочку в таком состоянии до больницы, он решает провести для нее опасную, но необходимую процедуру, которая повысит шансы на спасение ребенка. Нарушив все возможные предписания и правила, герой проводит манипуляцию, и девочка начинает дышать. Прибывшая машина реанимации забирает юную пациентку. В клинике, столкнувшись с недовольством и непониманием нового начальника, Олег выходит из себя, за что вынужденно берет отпуск, находясь под угрозой увольнения. Печальный и подавленный, Олег по возвращению домой видит в прихожей собранные сумки: Катя, испытывающая вину за случившееся накануне, сама собирается уехать и уже нашла новую квартиру. Не слушая объяснений жены, герой убегает из дома. Катя бросается следом, но отпускает его и беспокойно оглядывает район в поисках. Зрителям эта сцена подается в виде душераздирающей и волнующей развязки, когда морально раздавленный на работе герой получает «контрольный выстрел» от верной супруги. И Катя, следуя модели поведения типичной жертвы мучителя или извращенного человека, не способная преодолеть самоидентификацию с Олегом, бросается на помощь своему возлюбленному, стремясь искупить свою вину перед ним. Герои воссоединяются в объятиях. Олег просит жену не уходить, говоря: «Ты мне нужна». Действительно, Катя нужна ему, как любому мучителю нужна жертва.

Последняя реплика Кати в кинофильме — признание ее эмоциональной и интеллектуальной несостоятельности: «Прости меня, я дура!». Женщина винит себя в том, что хотела уйти, разрушить существующую взаимосвязь со своим мучителем. Мари-Франс Иригуайан полагает такой образ действий и мысли типичным для жертв «извращенного человека», которые, находясь под пагубным влиянием, зачастую ощущают снижение умственных способностей и веры в себя (Иригуайан 2005, 12). Жертва не признает свой статус, повинуюсь заданной парадигме кролика и удава, сдается в его удушающие объятия. Катина любовь к супругу — жертвенное, сострадательное, болезненное чувство. Она с облегчением и энтузиазмом бросается в объятия своего мучителя, с благодарностью принимая столь привычную ей роль жертвы.

Заключение

Оба героя киноленты обыгрывают предложенную Бэнкрофтом и Иригуайан схему «мучителя / извращенного человека и жертвы», составляя пару индивидов, находящихся во взаимозависимых отношениях, один из которых является источником «морального насилия» по отношению к другому. Перипетии семейной жизни, вплетаясь в общую канву повествования, пересекаются с мотивами профессиональной жизни Олега. Рабочими сложностями и проблемами Олег (как и сам режиссер) пытается оправдать не только алкоголизм, но и пренебрежительное отношение к нуждам жены. Но и сам создатель, его герой, зрители в своих рецензиях и критики в своих отзывах игнорируют или вовсе не замечают настоящую роль Кати в «Аритмии»: она — жертва морального насилия со стороны своего мужа-мучителя, причем жертва во многом

добровольная, идентифицированная с агрессором. Важным аспектом ее жертвенности является социальное одобрение подобного поведения. Проигрывая широко распространенный жизненный сценарий, жертва не уходит от агрессора, продолжая оправдывать его поведение и искать причины его агрессии в себе. Герои не осознают ни патологичность своих взаимоотношений, ни то, какие роли по отношению друг к другу они играют. Аритмия — это нарушение, сбой в сложном, но отлаженном функционировании механизма взаимозависимых отношений мучителя и жертвы — Олега и Кати.

В финале киноленты зритель видит, как Олег в сопровождении своей бригады едет на очередной вызов по заснеженным дорогам города. Жизнь вернулась в привычную колею, герой вновь окунается в привычную рутину, удивившись, что жертва под контролем и никуда не уйдет.

Литература

- «Аритмия»: Что говорят врачи? (2017) *Сеанс*, 12 октября. [Электронный ресурс]. URL: <https://seance.ru/blog/aritmia-consilium/> (дата обращения 25.10.2017)
- Иригуайан, М.-Ф. (2005) *Моральные домогательства: скрытое насилие в повседневности*. Екатеринбург: У-Фактория, 272 с.
- Комарова, С. (2017) «Аритмия» Бориса Хлебникова бьет рекорды отечественного проката. *Информационно-аналитический интернет-портал РосРегистр*. [Электронный ресурс]. URL: <http://rosregistr.ru/raznoe/65919.html> (дата обращения 25.10.2017)
- Тепанян, К. (2017) В прокат выходит «Аритмия» Хлебникова: режиссер рассказал о фильме. *Метро*, 12 октября, № 192 (3772), с. 14.
- Bancroft, L. (2003) *Why does he do that? Inside the minds of angry and controlling men*. New York: Berkley Books, 432 p.

References

- “Aritmiya”: Chto govoryat vrachi? [Arrhythmia: What do the doctors say?] (2017) *Séance*, 12 October. [Online]. Available at: <https://seance.ru/blog/aritmia-consilium> (accessed 25.10.2017). (In Russian)
- Bancroft, L. (2003) *Why does he do that? Inside the minds of angry and controlling men*. New York: Berkley Books, 432 p. (In English)
- Hirigoyen, M.-F. (2005) *Le harcèlement moral: la violence perverse au quotidien*. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ., 272 p. (In Russian)
- Komarova, S. “Aritmiya” Borisa Khlebnikova b'et rekordy otechestvennogo prokata [“Arrhythmia” by Boris Khlebnikov beats records of domestic cinema showings]. *Informatsionno-analiticheskij internet-portal RosRegistr*. [Online]. Available at: <http://rosregistr.ru/raznoe/65919.html> (accessed 25.10.2017). (In Russian)
- Tepanyan, K. (2017) V prokat vykhodit “Aritmiya” Khlebnikova: rezhisser rasskazal o fil'me [“Arrhythmia” released: the director Khlebnikov told about the film]. *Metro*, 12 October, no. 192 (3772), p. 14. (In Russian)

Сведения об авторе

Виктория Дмитриевна Данилова, e-mail: danilkavika@yandex.ru

Аспирантка кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Viktoriya D. Danilova, e-mail: danilkavika@yandex.ru

Postgraduate student of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia